

к ближнему погасла у большей части людей; на земле не было веры; все перевернулось в общем беспорядке, и можно было думать, что мир возвращается к древнему хаосу. Самые могущественные государи, обязанные управлять подданными путями мира, забывали обязательства мира и враждовали по ничтожному поводу, предавая пламени целые страны, производя грабежи и жертвуя имуществом бедных жадности своих клеветов. Среди стольких опасностей никто не был уверен в своем имуществе; едва лишь кого-нибудь подозревали в том, что он чем-нибудь владеет, и это было уже достаточным поводом, чтобы его влечь в темницу, заковывать в железо и предавать самым постыдным истязаниям. Церковные и монастырские имущества были не лучше обеспечены: привилегии, дарованные благочестивыми государями, не давали никаких преимуществ владениям святых; они не могли ссылаться ни на прежние льготы, ни на свое прошлое достоинство. Взламывали ризницы и уносили оттуда предметы, посвященные на служение небу; святотатственная рука не отличала светского от святого, и, в этом хаосе, чаши Господни, одежды священников и палки алтарей — все делалось предметом добычи. Те, которые убегали вовнутрь храмов Божиих, в неприступную святыню, под колошпаду базилик, насильно выгаскивались и влеклись на смерть и истязания; общественные дороги были заняты вооруженными разбойниками, которые делали засаду путешественникам и не щадили ни пилигримов, ни духовных. Ни в городах, ни в укрепленных местах не было убежища от насилия; улицы и площади, оскверненные убийцами, сделались опасными для честных людей; чем лучше был человек, тем более он подвергался козням. Повсюду, не краснея и безнаказанно, производились всякого рода бесчинства, как что-нибудь дозволительное. Узы брака не были священны даже для самих родственников и ближних. Целомудрие, ценимое Богом и небожителями, удалилось, как нечто куда не годное. Бережливость и трезвость не могли устоять рядом с роскошью, пьянством и ненасытной жадной игрой, распространенной не только на всех перекрестках,

но и во внутренности домов. Духовенство не отличалось от светского общества правильной жизнью, и жило, по словам пророка (Осия, IV, 9): «Каков народ, таков и священник». Иноксы сделались небрежны, как ленивые псы, которые не в силах лаять, лицеприятны, с головой умащенной елеем грешника, продавая, как наемники, своих овец кровожадным волкам и не помня слов Спасителя, который сказал: «Даром получили, даром и давайте» (Матф., X, 8). Не уклонялись от еретической симонии и были заняты всякой грязью. Что к этому прибавить? Скажу коротко: «Все стояло над бездной порока» и «Всякая плоть сокрушала жизнь свою» (Моис., VI, 11). Небесные и земные знаменья раздраженного божества не могли остановить людей, устремленных ко злу. Повсюду царствовала чума и голод; небо грозило, потрясалась земля, и многое другое совершилось, что Господь исчислил в своем Евангелии (Матф., XXIV, 7). Но люди упорствовали в своих мертвых делах, как свинья в грязи (II, Петр, II, 22), гибли, как животное, лежа на своем собственном помете, и злоупотребляли Божеским долготерпением, подобно тем, о ком сказано в Писании (Иерем., V, 3): «Поразил их, и не болели они; исправлял их, и не исправлись».

IX. Но гнев Господа, вызванный всем этим, не ограничился только тем, что одни верные, населявшие Обетованную землю, осуждены были переносить иго печального рабства и преследование свыше сил человеческих; он пошел далее и поднял могущественного врага, бич народов, молот, повисший над вселенной, даже и против тех, которые, по-видимому, наслаждались свободой и о которых можно было сказать, что они во всем успевают по своему желанию. В то время, когда Роман, прозванный Дионом, царствовал над греками (от 1068 до 1071 г.) и в полном благополучии управлял Константинопольской империей, могущественный сатрап персов и ассириян (то есть багдадских калифов) по имени *Бельфет* (так автор называет известного Альп Арслана, иконийского султана турок, правившего от 1063 г. до 1072 г.) вышел из самых отдаленных пределов Востока, вся за со-